

КОЛЛЕКЦИОННАЯ КНИГА. ЛУЧШЕЕ

Издательство АСТ
Москва

Данте Алигьери

Божественная
комедия

В ПЕРЕВОДЕ М. ЛОЗИНСКОГО
С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ САЛЬВАДОРА ДАЛИ

УДК 821.131.1-1

ББК 84(4Ита)-5

Д17

Художественное оформление Алексея Родюшкина

В оформлении обложки использована картина Сальвадора Дали
«Постоянство памяти», 1931, музей современного искусства, Нью-Йорк.

Данте Алигьери.

Д17 Божественная комедия с иллюстрациями Сальвадора Дали / Данте Алигьери; пер. с ит. М.Л. Лозинского, худ. Сальвадор Дали. — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 464 с. ; илл. — (Коллекционная книга. Лучшее).

ISBN 978-5-17-171628-8

Поэма «Божественная комедия» на протяжении семи веков олицетворяет духовное возрождение. Однако в момент ее создания Данте Алигьери был изгнан из Флоренции. Не получив поддержки от живых, бывший политик и философ призвал на помощь души усопших и создал свое шедевр на итальянском языке, навсегда прославившее литературу Италии. Сочетающее в себе черты как античной, так и христианской культуры. Комедия наравне с «Энеидой» Вергилия и Библией по сей день считается пророческой.

В своем сновидении Данте вместе с величайшим драматургом античности — Вергилием — спускается в мир загробной жизни, проходя через Ад, Чистилище и Рай. Погружаясь все глубже в Ад, герой все больше начинает чувствовать сострадание к грешникам — заброшенным и славным фигурам античности. В этом символичном видении все: животные, камни и люди — исполняют свою предназначеннную роль, данную им божественным Пророчеством.

Сальвадор Дали вдохновленный глубиной и символикой произведения, создал серию работ. Эти иллюстрации не просто визуальные дополнения к тексту Данте, они становятся самостоятельными произведениями искусства, которые вдохновляют на глубокие размышления и анализ.

Дали с присущей ему игривостью и ироничностью интерпретирует образы, превращая их в яркие и запоминающиеся видения. Его уникальный стиль и философский подход, воссоздают великое наследие, открывая его новые грани для современного зрителя.

УДК 821.131.1-1

ББК 84(4Ита)-5

ISBN 978-5-17-171628-8

© М.Л. Лозинский (наследники) перевод,

вступительная статья, комментарий, 2024

© УПРАВИС, 2024

© Издательство АСТ, 2024

Данте Алигьери

«**Т**ройственная поэма, в которой все знания, все поверия, все страсти Средних веков были воплощены и преданы, так сказать, осязанию в живописных терцинах», — таково замечательное по своей скратости определение, которое Пушкин, в черновом наброске, дает «Божественной Комедии». Действительно, величавая поэма Данте, возникшая на рубеже двух эпох, запечатлела в вековечных образах культуру западного Средневековья. Все его «знания» она отражает с такой полнотой, что современники видели в ней прежде всего ученое сочинение. Все «поверия» современного Данте мира воссозданы в стройном, зодчески продуманном целом. Все «страстии» тогдашнего человечества дышат в стихах «Комедии»: и страсти обитателей загробных царств, даже после смерти не угасшие, и великная страсть самого поэта, его любовь и ненависть. И все это поистине «предано осязанию в живописных терцинах», покоряющих своей пластической и звуковой выразительностью.

Прошло более шести столетий со времени появления «Божественной Комедии». И все же поэма Данте дышит такой жгучей страстью, такой подлинной человечностью, что она и поныне живет как полноценное создание искусства, как памятник высокого гения.

«Dantes Alagherii Florentinus et Exul immeritus», «Данте Алигьери, флорентинец и безвинный изгнаник» — надписывает свои латинские послания автор «Божественной Комедии». И на ее страницах он именно таков: флорентинец, страшный патриот, изгнанный из отечества и оклеветанный торжествующими врагами, неколебимо убежденный в том, что он был прав и в день изгнания, и потом, когда, в годы ски-

таний, постигнув, как ему казалось, высшую правду, он призывал на свою Флоренцию карающий гром. Это чувство одушевляет его поэму, и многое в ней останется для нас темным, если мы не будем хоть вкратце знать судьбу ее создателя и тот исторический фон, на котором прошла его жизнь.

Настоящая вступительная статья к переводу «Божественной Комедии» отнюдь не ставит себе целью дать заключенную картину эпохи Данте и исторических ее корней. В ней не следует также искать ни подробного изложения сохранившихся данных о жизни поэта, ни углубленного анализа его творчества. Ее назначение гораздо более скромное: сообщить читателю те предварительные сведения, которые необходимы для понимания общего смысла поэмы и мировоззрения ее автора. В ней вкратце собрано существеннейшее из того, что надо иметь в виду, приступая к чтению «Божественной Комедии». Для уяснения же отдельных мест поэмы и отдельных ее стихов приходится обращаться к примечаниям, приложенными в конце книги. При издании такого трудного текста, как Дантовы трилогия, они совершенно неизбежны.

Национальное и всечеловеческое единство, основанное на бескорыстном слиянии отдельных воль и порождающее всеобщий мир и личную свободу, — таков был общественный идеал творца «Божественной Комедии». И ничто так не противоречило этому идеалу, как та историческая действительность, которая окружала Данте Алигьери. Отсюда — трагизм его судьбы, и отсюда же — высокий пафос его творчества.

После крушения Западной Римской империи, сметенной волнами варварских нашествий, за обладание Италией боролись, сменяя

друг друга, остготы, византийцы, лангобарды, франкские и германские императоры, сарацины, норманны, французы. В итоге этой восьмивековой борьбы, по-разному отразившейся на судьбах отдельных областей Апеннинского полуострова, Италия, ко времени Данте, лежала раздробленной на части, объянутая пожаром непрестанных войн и кровавых междоусобиц («Чистилище» VI, 76–126).

Северная и Средняя Италия, номинально подчиненные германским императорам, на деле были предоставлены самим себе и образовали пеструю мозаику самоуправляющихся территорий. Ломбардия дробилась на множество феодальных вотчин и независимых городских коммун, но эти вольные города, истощенные внутренними распрями, начинали один за другим подпадать под единоличную власть тиранов. В Милане укреплялись Висконти, в Вероне правили Делла Скала. На Лигурском побережье и на лагунах северной Адриатики утвердились две мощные морские республики — Генуя и Венеция, уже вступившие в длительное соперничество. В Тоскане боролись за преобладание богатые города-республики — Флоренция, Сiena, Лукка. Приморская Пиза, разгромленная на водах своей соперницей Генуей, с трудом отражала натиск Флоренции, искавшей выход к морю.

Церковная область, сложившаяся в середине VIII века, когда отец Карла Великого, франкский король Пипин Короткий присоединил к Римскому дукату и передал Папе часть территории, отвоеванных им у лангобардов, простиралась от Тирренского до Адриатического моря и включала, кроме Рима и окрестных земель, Анконскую марку и Романию. Императоры считали себя ее верховными властителями, но в семидесятых годах XIII века Рудольф Габсбургский отказался от своих прав на нее в пользу Папы. Здесь бушевали такие же смуты, как и в остальной Италии («Ад» XXVII, 37–38). Римские первосвященники, мечтавшие возглавить всемирную теократию, не могли навести порядок в своих ближайших владениях. В самом Риме вспыхивали то феодальные усобицы, то народные возмущения. Крупные и мелкие феодалы и отдельные го-

родские общины, особенно в Романье, были не только независимы от пап, но сплошь и рядом открыто им враждебны. Болонья существовала как свободная республика. Феррарские д'Эсте, равенские Полента, риминийские Малатеста правили как самодержцы.

Особо сложилась судьба Южной Италии. В XI столетии орангутанные норманны отвоевали ее у византийцев и лангобардских баронов, а Сицилию — у сарацин и основали королевство Обеих Сицилий, которое, веком позже, путем династического брака, перешло в руки Гогенштауфенов, а затем (1266) стало добычей французов в лице Карла I Анжуйского. После «Сицилийской вечерни» 1282 года, когда в Палермо вспыхнуло кровавое восстание против французского гната («Рай» VIII, 73–75), охватившее весь остров, власть над Сицилией перешла к арагонскому королю Петро III и его преемникам, а за анжуйским домом осталась Южная Италия, так называемое Неаполитанское королевство. Эта крупная держава, управляемая французской династией, имела большое влияние на итальянские дела. При жизни Данте ею владели: Карл I (1266–1285), Карл II (1285–1309) и Роберт (1309–1343).

Расчлененная таким образом Италия, где отдельные части соперничали и враждовали друг с другом и в каждом городе кипели междоусобия, продолжала быть ареной и более широкой борьбы, которую издавна вели две основные политические силы западного Средневековья — империя и папство.

Память о державном Риме не угасала в сознании варваризованной Европы, начавшей строиться на его развалинах. И когда франкский король Карл Великий, уничтожив государство лангобардов («Рай» VI, 94–96), принял в 800 году из рук Папы императорский венец и северная половина Италии объединилась с его заальпийскими владениями, простиравшимися от Эбро до Эльбы, Западная империя, хоть и в более тесных границах, возникла вновь. Карл был владельцем почти всего христианского Запада. На Папу он смотрел как на своего подданного, а Церковную область, вместе с Римом, считал своей вассальной землей.

Но его обширная держава не надолго пережила своего создателя и распалась на куски. Франция, Германия, Прованс, Бургундия, Наварра превратились в самостоятельные государства. Императорский сан остался за германскими королями. Коронуясь в Ахене, они принимали титул «императора и короля римлян». Их феодальная держава, получившая название Священной Римской империи, охватывала Германию и «королевство Италию», т. е. северную и среднюю полосы полуострова. Но им не удалось преодолеть политическую раздробленность своих итальянских владений, которая лишь углублялась по мере усиления отдельных синьорий и городских общин.

Притязаниям империи на мировое владычество, в действительности никогда не осуществленным, папство уже в IX веке противопоставило идею главенства Церкви над государством, провозгласив, что римский первосвященник выше императоров и королей и что свою власть они получают от него. Для обоснования своих прав на светское господство папы ссылались на подложную грамоту Константина Великого, которую император, приняв христианство и перенося столицу в Византию, якобы уступал Папе Сильвестру Рим и западные страны. В Средние века не сомневались в подлинности «Константинова дара», и Данте считал его величайшим историческим несчастием, породившим неисчислимые бедствия («Ад» XIX, 115–117; «Чистилище» XXXII, 124–129; «Рай» XX, 55–60).

Борьба империи и папства, заполнившая пять столетий, в XIII веке достигла особой остроты, и вся Италия разделилась на два враждебных стана: гибеллинов (приверженцев империи) и гвельфов (сторонников папства). Это не были политические партии в современном смысле слова. К каким-либо ясно намеченным целям не стремились ни те, ни другие. Крупные феодалы обычно становились в ряды гибеллинов, потому что видели в империи защитницу своих интересов, а их противники, как некоторые городские коммуны, где преобладали купцы и промышленники, потому были гвельфскими, что союз с папами сулил им выгоды. Принадлежность к тому или другому стану определялась главным

образом временными соображениями и расчетами местной политики. Немало было феодалов-гвельфов и гибеллинских городских республик. Когда императоры или папы предъявляли своим сторонникам слишком стеснительные требования, гибеллины оборачивались против империи, а гвельфы давали папскому Риму решительный отпор. Зато в борьбе друг с другом враждующие феодалы, города и отдельные знатные роды почти всегда делились на гвельфов и гибеллинов и соответственно этому объединялись в союзы, хотя бы их распри и не были связаны с борьбою папства и империи.

Данте застал эпоху последнего торжества папского Рима. В 1250 году сошел в могилу могучий противник римских первосвященников император Фридрих II Гогенштауфен, король Германии, Италии и Обеих Сицилий, трижды отлученный от Церкви. Когда, после короткого царствования его наследника, Конрада IV, Неаполь и Сицилия перешли в руки Манфреда, внебрачного сына Фридриха II, папы, чтобы покончить с владычеством Гогенштауфенов на юге, обратились к иноземной помощи. Призванный ими граф Анжуйский и Провансский Карл, брат французского короля Людовика IX, вступил в Италию с крупным войском, принял в Риме корону Неаполя и Сицилии, которые папство считало своими вассальными землями, и в 1266 году, под Беневенто, Манфред погиб на поле боя («Чистилище» III, 103–132). Два года спустя шестнадцатилетний Конрадин, сын Конрада IV, последний Гогенштауфен, пришел из Германии отвоевывать отцовские владения, был разбит Карлом при Тальякоццо, схвачен при попытке отплыть в Сицилию и обезглавлен («Чистилище» XX, 68). Анжуйская династия, опора гвельфов, прочно обосновалась в Неаполе, хотя Сицилию она вскоре утратила. Усилию папства содействовало и то, что после смерти Конрада IV (1254) в Германии наступило междудворье, и престол императоров пустовал. Только в 1273 году был избран Рудольф Габсбургский, но ни он, ни его преемники Адольф Нассауский (1292–1298) и Альбрехт Габсбургский (1298–1308) не являлись в Рим венчаться императорской короной («Чистилище» VI, 97–105).

Однако опасность грозила папству с другой стороны. Бонифаций VIII (1294–1303), считавший себя главою земных владык и распорядителем престолов, пал жертвой столкновения уже не с германскими государями, но с возвышавшейся французской монархией и умер в припадке яростного отчаяния после неслыханного оскорблении, нанесенного ему посланцами Филиппа IV, короля Франции («Чистилище» XX, 85–90). А один из его ближайших преемников, Климент V (1305–1314), француз и ставленник французской короны, открыл собою перечень пап, никогда не вступавших в Рим. «Святейший престол» был перенесен в Авиньон, и здесь, в Авиньонском, или «авиньонском» плenу, длившемся до 1377 года, в беспротном подчинении у французских королей, униженное и разложившееся папство забыло свою теократическую мечту.

Но отжила свой век и полупризрачная Священная Римская империя. Генрих VII Люксембургский (1308–1313), громко заявивший свои державные права на заальпийские владения и коронованный в Риме, оказался бессенен объединить раздробленную, но сопротивлявшуюся ему Италию, и смерть пресекла его попытку, заранее обреченную на неуспех. Расслоение Италии было слишком глубоко, и слишком противоречивы были стремления боровшихся в ней сил, чтобы она могла сплотиться в единое государство, тем более под насильственной рукой иноземца и в принудительном союзе с чуждой страной.

Родина Данте, Флоренция, когда-то цветущая римская колония, разоренная и запустевшая в эпоху варварских нашествий, позже других городских коммун Средней Италии выступила на арену политической жизни и борьбы, но ее рост и развитие пошли настолько быстро, что за два века она опередила всех своих соперниц.

В 1115 году маркграфиня тосканская Матильда завещала, в нарушение прав империи, свои владения папскому престолу. Пользуясь наступившей смутой, тосканские города, и прежде всего Флоренция, объявили себя независимы-

ми. На первых порах во Флоренции сохранялся тот внутренний строй, который сложился еще в эпоху ее феодального подчинения. Уже тогда население города распадалось на два основных класса, резко разнившиеся друг от друга: правящий слой военной знати (так называемые «магнаты» или «гранды») и сословие промышленников и купцов, объединенных в цехи, (так называемые «пополаны»). Магнаты владели в округе обширными поместьями; в стенах Флоренции им принадлежала большая часть зданий, и они сдавали их внаем; сами они жили в домах-крепостях с неприступными башнями, возносившимися над тесными улицами небольшого города. Этих башен, иногда высотой до 120 локтей (т.е. до 70 метров), уже в XII веке насчитывалось больше полутораста. То были грозные твердыни, готовые отразить и натиск враждебного рода, и приступ горожан. Но уже в эту раннюю пору пополанские цехи деятельно участвовали в политической жизни коммуны, и в Совете Стa их выборные составляли большинство. В особо важных случаях созывалось народное вече. Позднейшим поколениям, жившим среди непрерывных усобиц, середина XII века казалась счастливым временем гражданского мира, и об этих годах растроганно вспоминает прпрадед Данте («Рай» XV–XVI). Еще не обострились отношения между пополанами и грандами, а среди грандов еще не обозначился губительный для них раскол. У трудового народа и у военной знати была общая цель — обеспечить независимость города и его безопасность, и эта цель на первых порах призывала их к совместным действиям.

Флоренция лежала на скрещении важнейших путей, ведущих с севера на юг и от Тирренского моря к Адриатическому. Она уже обладала развитой промышленностью, главным образом ткацкой, источником ее растущего богатства, и вела широкую международную торговлю. Но на окрестных холмах, вдоль торговых дорог, сидели в своих замках хищные феодалы. Они взимали непомерные проездные пошлины, а то и просто грабили купеческие обозы. Страдали от них и флорентийские гранды, которым они затрудняли вывоз сельскохозяйственных това-

ров из их поместий. Необходимо было обеспечить свободу путей, и Флоренция пошла войной на своих неудобных соседей. Она брала приступом и нередко разрушала их замки, а побежденных феодалов принуждала селиться внутри городских стен, не умаляя, однако, их поместных прав. Эти невольные граждане Флоренции плохо мирились со своей судьбой. Сливаясь с исконной городской знатью, они обостряли отношения между нею и пополанами. Но в то же время многие гранды, уже давно участвуя в коммерческой и финансовой деятельности пополанских цехов, были заинтересованы в их преуспеянии. Таким образом, в среде самой знати началось расслоение. Осложненное наследственной враждой отдельных родов и их соперничеством, оно привело к тому, что в начале XIII века флорентийские гранды, как и всюду в Италии, разделились на гибеллинов и гвельфов. В народной памяти этот раскол остался связан с убийством молодого Буондельмонте («Рай» XVI, 136–147).

Середина столетия ознаменована кровавой распрай грандов. В 1248 году гибеллины, возглавляемые родом Уберти, с помощью немецкой конницы Фридриха II изгнали из Флоренции своих противников, снося их дома и башни. Три года спустя, когда воинственного императора не стало, гвельфы возвратились. Воцарение Манфреда оживило надежды гибеллинов. Они опять готовились к захвату власти, но заговор раскрылся, народ восстал, и им пришлось бежать (1258). Однако вскоре, осенью 1260 года, в союзе с гибеллинской Сиеной и при поддержке всадников Манфреда, близ замка Монтапerti, они нанесли флорентинцам страшное поражение («Ад» X, 85–86). Гвельфы покинули город, одни добровольно, при первом известии о разгроме, другие насильно. И только Фарината Уберти, вождь победителей, своим смелым заступничеством спас Флоренцию от полного уничтожения («Ад» X, 91–93). Гибеллинская знать праздновала победу, но смерть Манфреда под Беневенто резко изменила обстановку. Гвельфы вторично вернулись в город, и, когда весной 1267 года Карл I Анжуйский двинул им на помощь военную силу, гибеллины навсегда покинули Флоренцию.

Так на протяжении десятилетий флорентийские гранды взаимной борьбой истощали свои силы. Тем временем пополаны, сплоченные цеховым устройством, постепенно брали верх, пока, наконец, не стали хозяевами города. Под именем «popolo», «народ», в старой Флоренции разумелось население, объединенное в цехи. Но в этом «пополо» резко различались два слоя: «жирный народ» (*popolo grasso*), или семь «старших», торгово-промышленных цехов (*arti maggiori*), богатый и влиятельный общественный класс, и «мелкий народ» (*popolo minuto*), или «младшие», ремесленные цехи (*arti minori*), политическое значение которых было несравненно меньшим, а отношение к старшим цехам — далеко не дружелюбным. Все остальное население, как городское, так и сельское, наемные рабочие и крестьяне, считалось уже вне «пополо»: это была бесправная, подчиненная масса. В средневековой Флоренции, даже в периоды наибольшего торжества демократии, политическими правами обладал только ограниченный круг. К 1300 году, из общего числа тридцати с лишним тысяч жителей, полноправных граждан было не более двух тысяч. Главенствовали старшие цехи. В их среде почетное первое место принадлежало юристам и нотариусам, нужнейшим людям в деловой Флоренции. Но первым по значению был древнейший цех Калимала (так называлась его улица). Это был цех суконщиков, того промысла, который принес Флоренции наибольшую торговую славу и главную долю ее богатства. Калимала ввозила грубые сукна из Фландрии, Голландии, Брабанта, подвергала их обработке и окраске лишь ей известными способами и продавала этот ценный товар по всей Европе и на Востоке. Ее каторы, разбросанные по самым отдаленным странам, положили начало банковскому делу в Европе. Флорентийские банкиры, члены Калимала, вели финансовые операции широчайшего размаха. Они ссужали деньгами королей и пап и к концу XIII века стали монопольными откупщиками и сборщиками доходов римской курии, что приносило им огромные барыши. Далее следовали: цех шерстяников, не менее мощный, чем Калимала, цех шелкоделов, цех

меховщиков, цех менял и, наконец, цех врачей и москательщиков, обнимавший целый ряд разнородных профессий. Торгово-промышленные цехи Флоренции, зародившиеся еще в условиях феодального хозяйства, быстро превратились в капиталистические организации, самые ранние в Европе. Постановка дела требовала больших оборотных средств, производство велось трудом наемных рабочих, нещадно эксплуатируемых, прибылью пользовались предприниматели, объединенные в цех. Капиталистами чистейшего типа были флорентийские банкиры. Естественно, что эти старшие цехи, по мере их усиления, теснили магнатов и завоевывали политическую власть.

Первую крупную победу одержали пополаны в 1250 году, когда в городе господствовали гибеллины. Уже за полвека перед тем во Флоренции установился порядок, по которому высшая власть, как это было принято во многих городах, вручалась подеста, дворянину, приглашавшему со стороны, что должно было обеспечить его беспристрастие во флорентийских делах, и при этом сроком на год, чтобы он не успел завязать в городе прочных связей и превратиться в самодержца. Он управлял с помощью выборных советов, куда входили и пополаны, но по существу это был выразитель идеологии грандов. И вот в 1250 году наряду с подеста был поставлен «народный капитан» (*capitano del popolo*), точно так же приглашаемый на год из иногородних дворян. Ему были приданы пополанские советы и подчинено народное ополчение для охраны пополанских прав. Во главе коммуны стали двенадцать анцианов (старейшин), избираемые из пополанов, и при них Совет Тридцати Шести. Таково было «первое народоправство» Флоренции, продержавшееся десять лет, озмененных быстрым расцветом города и рядом побед над соседями-соперниками — Сиеной, Пизой и Ареццо.

После битвы при Монтаперти гибеллинские гранды разрушили этот строй, а сменившая их в 1267 году гвельфская знать также показала себя враждебной народному правлению. Тогда пополаны возобновили борьбу с аристократи-

ей, на этот раз уже гвельфской. К этому времени они и сами стали усердными гвельфами. Деловые интересы тесно связывали их с Римом, с Южной Италией и с Францией, а отгибеллинов ничего доброго они ждать не могли. Но их гвельфизм не мешал им деятельно бороться с гвельфской знатью. Они шаг за шагом захватывали власть и рядом законодательных мер подрывали могущество грандов.

Последний удар был нанесен магнатам «Установлениями правосудия», провозглашенными в 1293 году и легшими в основу «второго народоправства», которому суждено было стать государственным строем Флоренции на целое столетие. Гранды лишились политических прав. Занимать государственные должности могли только члены цехов, и не только семи старших, но и четырнадцати младших, ремесленных цехов, впервые привлеченных к управлению коммуной. Верховным органом власти была синьория, состоявшая, под председательством «знаменосца правосудия», шести приоров, избираемых, как и он, на двухмесячный срок. Важнейшие решения подлежали утверждению целого ряда советов. Подеста и народный капитан, по-прежнему приглашавшиеся из других городов, но уже на полгода, утратили свое былое значение и ведали преимущественно судебные дела. Гранды были не только отстранены от власти. За преступления против личности пополанов они подвергались особо суровым каркам. При этом они были связаны круговой порукой: если виновник ускользал от наказания, то его сородичи присуждались к денежной пене, а в обеспечение уплаты каждый член грандского рода вносил крупный залог.

«Установления правосудия» вызвали среди грандов глубокий раскол. Одни примирились с новым порядком, другие решили его ниспрoverгнуть. Во вспыхнувшем междуусобии принял участие весь народ. Среди бесчисленных гражданских гроз, бушевавших в те годы в Италии, именно эта флорентийская распра Черных и Белых осталась навеки памятной, потому что она сплетена с судьбой одного из величайших поэтов мира, и он ее запечатлел в своей бессмертной поэме.

Данте Алигьери (Данте — сокращенная форма имени Дуранте) родился во Флоренции в конце мая 1265 года («Рай» XXII, 112–117). О том, кто были его предки, он сам рассказывает нам устами своего прапрадеда Каччагвиды («Рай» XV, 88–94, 135–146; XVI, 34–45), и этим наши сведения ограничиваются. Мы знаем также («Ад» XV, 76–78), что он, принимая на веру семейное предание, считал себя потомком тех древних римлян, которые когда-то основались во Флоренции, впоследствии засоренной пришельцами, породившими в ней смуты и раздоры. Как большинство небогатых дворян, Алигьери были гвельфами, дважды уходили в изгнание, когда брали верх гибеллины, и дважды возвращались («Ад» X, 46–51), но сколько-нибудь заметного участия в партийной борьбе, по-видимому, не принимали.

Отец поэта, Алигьеро Алигьери, человек, ничем себя не отличивший, умер, когда Данте было около восемнадцати лет. Мать, по имени Белла, скончалась рано, и Алигьеро женился вторично. У Данте были сводный брат Франческо и две сестры. Сестры повышали замуж. Данте и Франческо жили на скромный доход с земельного наследства, которое им оставил отец, и этого дохода им не всегда хватало.

Начатки знаний Данте получил, вероятно, в одной из общественных школ Флоренции, но больше всего способствовал его образованию энциклопедист, поэт и государственный деятель Брунетто Латини, и эти уроки остались в его уме и сердце неизгладимый след («Ад» XV, 79–87). Некоторое время молодой Алигьери провел в Болонье, знаменитой своим университетом, где он мог изучать риторику, т. е. ораторское искусство, соединенное с умением писать по-латыни.

Данте было около девяти лет, когда он встретил маленькую Беатриче Портинари, вступившую тоже в свой девятый год. Этим именем озарена вся его жизнь. Он любил ее благоговейной любовью, и велико было его горе, когда, уже замужней женщиной, она умерла двадцати пяти лет от роду. Образ «преславной владычицы его воспоминаний» претворился

в мистический символ, и на страницах «Божественной Комедии» преображенная Беатриче, как Высшая Мудрость, как Благодатное Откровение, возносит поэта к постижению Всемирной Любви.

Как ни возвыщено было это чувство, оно не превратило юного Данте в мечтательного отшельника, и не одна прекрасная флорентинка мимолетно владела его сердцем, по-иному, чем Беатриче. Деятельный и страстный, он принимал жадное участие в кипучей жизни родного города, делил развлечения молодых людей своего круга, писал стихи, снискавшие ему славу даровитого поэта, на поле брани сражался с врагами Флоренции. В июне 1289 года он в рядах флорентийской конницы громил на равнине Кампальдино артиллерийских гибеллинов («Чистилище» V, 91–93), два месяца спустя брал у пизанцев замок Капрону («Ад» XXI, 94–96).

Но книги влекли его больше, чем меч, и он усердно пополнял свои знания. Когда умерла Беатриче и он в стихах и прозе «Новой Жизни» рассказал о том, как он ее любил, ему показалось, что этого мало для ее прославления, и он решил создать в ее честь еще небывалый памятник слова. Чтобы выполнить эту задачу, он всецело отдался трудам. Прочтя «Об утешении философией» Боэция и трактат Цицерона «О дружбе», он пленился умозрительными науками и стал посещать «школы монахов и преемния мудролюбов» («Пир» II, 12[13]1). Круг его занятий неустанно расширялся. О том, с каким напряжением он работал всю свою трудную и бурную жизнь, свидетельствуют произведения его зрелых лет, в которых вмещена вся учность западного Средневековья.

О семейной жизни Данте мы знаем очень мало. Когда ему было двенадцать лет, родители, по тогдашнему обычаю, заранее присмотрели ему невесту, Джемму Донати, на которой он затем и женился, породнявшись таким образом с той семьей, которая впоследствии возглавила партию его политических противников. У него было два сына, Пьетро и Якопо, и дочь Анто-

¹ Цитаты из трактатов Данте в статье и комментарии М.Л. Лозинского приводятся в его переводе. — Ред.

ния, после его смерти принявшая монашество, под именем Беатриче. Когда поэта постигло изгнание, Джемма осталась во Флоренции, и они разлучились навсегда. Так, по крайней мере, утверждает Боккаччо, первый биограф Данте. Своего мужа она пережила.

На поприще политической деятельности Данте вступил в 1295 году, когда «Установления правосудия» были смягчены новым законом, по которому право быть избранным в народные советы и в синьорию получал всякий гражданин, не значащийся в списках грандов и приписанный к одному из цехов, хотя бы он в действительности и не занимался ремеслом. Чтобы получить доступ к государственным должностям, Данте приписывается к цеху врачей, ибо философия, предмет его занятий, считалась наукой, близкой к медицине, и начинает деятельно участвовать в общественных делах.

К тому времени, когда он «земную жизнь прошел до половины», т.е. к 1300 году, на его родину надвинулись зловещие тучи. Уже три германских короля, хоть и носили императорский титул, не ступали на итальянскую землю, и Папа не возлагал на них венца. Бонифаций VIII считал престол кесарей пустующим. Ничем не сдерживаемый, он замышлял подчинить Тоскану своей власти и при всяком случае заявлял о своих верховных правах на нее. А внутри Флоренции с яростной силой вспыхнула давно назревавшая распря между двумя враждебными станами, на которые раскололись гранды после провозглашения «Установлений правосудия». Во главе ожесточенных врагов нового порядка, лишившего аристократию политических прав, стал честолюбивый Корсо Донати со своими родичами, потомками исконных флорентийских магнатов. Он искал себе поддержки и в народных низах, точно так же не допущенных к власти. А так как Бонифацию было ненавистно строптивое народоправство Флоренции, то Донати и он оказались естественными союзниками. Другая часть грандов, примирившаяся с новым строем и стремившаяся ужиться с цеховой демократией, сплотилась вокруг Вьери Черки и его семьи, вышедшей из простого народа и нажившей путем торговли огромные бо-

гатства. Политический раздор осложнялся старыми семейными счетами. На празднике 1 мая 1300 года между младшими Донати и младшими Черки произошла стычка, пролилась кровь, и гвельфская знать распалась на Черных (партию Донати) и Белых (партию Черки). А так как всякий знал, что Корсо Донати — заодно с Папой, который жаждет подчинить себе Флоренцию, и что Вьери Черки — злейший враг высокомерного мессера Корсо, то сразу же весь город разделился на Белых и Черных. Пополаны, возглавляемые своей синьорией, объединились с Белыми, готовые защищать флорентийскую независимость и «Установления правосудия» против Донати и против Папы. Черные начали деятельно готовиться к борьбе, в союзе с Римом.

Данте решительно примкнул к Белым. Ничто не связывало его с партией Черки. Ему не было дела до того, что вражда Белых и Черных в значительной мере порождалась деловым соперничеством банкиров Черки и банкиров Спини, союзников Корсо Донати. В этот опасный для родины час он считал своим долгом прежде всего отстаивать ее независимость и то, что в средневековой Флоренции казалось народовластием. Он успел стать влиятельным человеком в городе. Начиная с 1295 года его имя встречается в списках то одного, то другого правительственного совета. В мае 1300 года он был отправлен в Сан-Джиминиано, как посланник, для переговоров о возобновлении гвельфской лиги тосканских городов. Вслед за тем, как только настало время новых выборов в синьорию, на срок с 15 июня по 15 августа, в число приоров был избран и он. Уже самое начало его приората было отмечено суровым для него испытанием. В канун праздника Иоанна Крестителя, патрона Флоренции, когда цеховые старшины торжественной процессией направлялись в церковь, гранды на них напали, крича: «Мы те, кто победил на Кампальдино, а вы нас отстранили от должностей и почестей нашего города!» Чтобы подать пример на будущее, синьория отправила в ссылку некоторых видных грандов, как Черных, так и Белых, и среди них — лучшего друга Данте, поэта Гвидо Кавальканти. Белых сослали в Сарцану, нездоровую местность, где

Гвидо заболел так тяжко, что, хотя их скоро возвратили оттуда, он умер той же осенью. Данте и его товарищи по приорату давали твердый отпор папскому легату, кардиналу д'Акваспарта, который требовал предоставить ему широкие полномочия. Взбешенный Бонифаций уполномочил кардинала покарать Флоренцию отлучением, что тот сделал вскоре, но уже при новой синьории. В том же году и в следующем Данте продолжал выступать в заседаниях советов как упорный противник Папы.

Между тем Бонифаций, этот «первоначальник новых фарисеев» («Ад» XXVII, 85), замыслил коварное дело: пригласить Карла Валуа, брата французского короля Филиппа IV, якобы для умиротворения Тосканы, на самом же деле для того, чтобы передать Флоренцию в руки Черных и таким образом подчинить ее себе. Кроме того, Карл Валуа должен был отвоевать Сицилию у Федерико Арагонского в пользу Карла II Анжуйского. За эти услуги Папа сулил ему императорскую корону, не говоря уж о том, что Флоренция была «золотым источником», которым Карлу предоставлялось воспользоваться. В июне 1301 года раскрылся заговор Черных, решивших оказать Папе всяческое содействие. Участники были приговорены к ссылке и денежным пеням. Их вдохновителя, Корсо Донати, не было в городе. Высланный еще в 1299 году, он теперь находился в Риме и здесь усердно вел интригу против Белых. Его заочно приговорили к смерти, конфисковали его имущество и разрушили его дома.

В июле Карл Валуа вступил в Италию с конным войском и направился в Ананьи, где встретился с Папой и Карлом II Анжуйским. Тревога во Флоренции росла. 13 сентября на общем собрании всех советов, созванном для обсуждения мер к защите «Установлений правосудия» и народных статутов, Данте выступил с речью, призывающей к решительной обороне. Чтобы предотвратить открытое столкновение, в октябре месяце синьория отправила посольство к Бонифацию. Одним из трех послов был Данте Алигьери. Папа принял их, двоих отоспал обратно, заявив им, что он хочет только мира, но требует, чтобы Флоренция покорилась его воле,

а Данте задержал у себя под предлогом дальнейших переговоров. Он, очевидно, предпочитал, чтобы этого стойкого человека не оказалось на родине в решающие дни.

Между тем Карл Валуа приближался к Флоренции. Здесь еще надеялись на мирный исход. В новую синьорию, полномочия которой начинались 15 октября, постарались избрать людей, приемлемых для обеих партий. 1 ноября французский принц вступил в город, был торжественно встречен властями, поклялся, как королевский сын, охранять мир и порядок и принял в свои руки управление. Но он пришел с «копьем Иуды» и не замедлил «вспороть брюхо Флоренции» («Чистилище» XX, 73–75). По уговору с ним, в город ворвался Корсо Донати в сопровождении своих приверженцев, разогнал синьорию и предал Белых погрому, длившемуся пять дней. Власть перешла к Черным. Новый подеста, которого Карл привел с собой, начал составлять списки подлежащих изгнанию. Во втором из них, от 27 января 1302 года, значились имена пяти приоров прежних лет, и в том числе Данте Алигьери. Ему, как и остальным, ставилась в вину неявка на вызов подеста и самовольная отлучка. Он, наряду с тремя другими, обвинялся в должностных преступлениях, мздоимстве и вымогательстве — что было, разумеется, ничем не прикрытой клеветой, — в сопротивлении Папе и принцу Карлу, в действиях, враждебных Флоренции и гвельфской партии, и приговаривался к огромной денежной пene и к изгнанию на два года из пределов Тосканы, с запрещением когда-либо занимать государственные должности. Имущество его конфисковалось, а дом подлежал разрушению. Известие о начавшейся судебной расправе застало поэта в Риме. Он поспешил домой и по дороге, в Сиене, узнал о постигшей его беде. Путь во Флоренцию был для него закрыт. 10 марта 1302 года последовал новый указ, присуждавший его, вместе с четырнадцатью другими, в случае поимки, к сожжению на костре.

Данте присоединился к толпе изгнанников и первое время разделял их участь. Белые, лишась отечества, сблизились с гибеллинами, обосновались в Ареццо, Пизе, Болонье, Пи-

стойе, во многих гибеллинских замках и вместе со своими новыми союзниками вступили в безуспешную борьбу с Черной Флоренцией. Данте скоро разочаровался в своих товарищах по изгнанию и резко осудил их образ действий. Он отошел от партий и «остался сам себе клевретом», т.е. единственным своим единомышленником («Рай» XVII, 69). Попыткам вернуться во Флоренцию силой он не сочувствовал, и, когда летом 1304 года Белые совместно с гибеллинами предприняли нападение на Флоренцию, закончившееся их разгромом, его уже не было в их рядах.

Для Данте начались долгие годы одинокого скитальчества и тщетных надежд вернуться на милую родину. «После того как гражданам прекраснейшей и славнейшей дочери Рима, Флоренции, угодно было извергнуть меня из ее сладостного лона, — в котором я был рожден и вскормлен вплоть до вершины моего бытия и в котором, когда она обретет добрый мир, всем сердцем желаю упокоить усталый дух и завершить положенный мне срок, — я почти по всем краям, на которые простирается наша речь, скитаясь, как нищий, блуждал, поневоле обнаруживая рану, судьбой нанесенную и сплошь и рядом несправедливо вменяемую тому, кто ранен». Так говорит Алигьери на первых страницах своего «Пира» (I, 3). Поэт узнал,

как горестен устам
Чужой ломоть, как трудно на чужбине
Сходить и восходить по ступеням.
(«Рай» XVII, 58–60)

До последнего своего часа Данте прожил изгнаником. Но об этих двадцати годах его жизни, наполненных огромным творческим трудом, который завершился созданием «Божественной Комедии», мы располагаем только отрывочными и скучными сведениями, в немалой степени гадательными.

После разрыва с Белыми поэт находит первый свой приют у владельца Вероны Бартоломео дела Скала («Рай» XVII, 70—72). Здесь он пробыл, вероятно, до его смерти (в марте 1304 года). Затем, повидимому, он жил в Болонье, городе ученых.

В 1306 году он — почетный гость и доверенное лицо маркизов Маласпина, владетелей Луниджаны («Чистилище» VIII, 115–139). Старейшие биографы утверждают, что Данте предпринял путешествие в Париж, средоточие схоластической науки, и здесь изучал богословие и философию. Если считать это путешествие достоверным, то его следует отнести к 1308–1309 годам.

К этому времени великий флорентинец многое передумал и перечувствовал. В своем изгнании он словно с одинокой вершины окинул взглядом широкие дали: печальными глазами смотрел он с этой высоты и на свою родную Флоренцию, и на всю Италию, эту «благороднейшую область Европы» («Монархия» II, 3), и на окрестные страны, всюду господствует зло, всюду пылает вражда.

Гордыня, зависть, алчность — вот в сердцах
Три жгучих искры, что вовек не дремлют.
(«Ад» VI, 74–75)

Первопричина бедствий — человеческая алчность, эта

волчица древних лет,
В чьем ненасытном голоде всё тонет...
(«Чистилище» XX, 10–11)

Она виной тому, что и во Флоренции, и в остальных городах Италии сограждане

грызутся,
Одной стеной и рвом окружены.
(«Чистилище» VI, 83–84)

Короли Европы — один другого хуже, и в книге судеб «записан весь их срам» («Рай» XIX, 114). Никто не помышляет о высших целях, о всеобщем благе, папы превратились в хищников, озабоченных только земными выгодами, и церковь,

взяв обузу
Мирских забот, под бременем двух дел
Упала в грязь...
(«Чистилище» XVI, 127–129)

Императоры пренебрегли своим призванием беспристрастных устроителей Вселенной, и горестно сетует Рим,

Вдова, в слезах зовущая супруга:

«Я Кесарем покинута моим!»

(«Чистилище» VI, 113–114)

Данте ушел в изгнание как Белый гвельф, но вскоре он увидел, что и гвельфы, будь они Белые или Черные, и гибеллины только умножают раздор и смуту, ставя свои личные интересы выше общенародных и государственных:

Чей хуже грех — не взвесишь на весах.

(«Рай» VI, 102)

Перед поэтом стал вопрос: возможно ли преодоление зла, и если возможно, то как его достигнуть? Мы не должны забывать, что Данте думал свою скорбную думу на пороге XIV века, что он видел вокруг себя только политический хаос современной ему Италии, что, воспитанный на Вергилиевой «Энеиде», он детски верил сказке о миродержавном «золотом Риме» и что при этом он был правоверный католик, но католик-идеалист, глубоко возмущенный порядками римской церкви. Решение проблемы, возникшей перед Данте, было чисто абстрактным, отрешенным от исторической действительности и от исторических возможностей. Но таков уж был склад ума великого поэта.

Размышляя о причинах всеобщего неустройства и о путях к его преодолению, он пришел к выводу, что избавить человечество от кровавых распреей может только всемирная монархия, во главе с императором, который, «всем обладая и ничего более желать не могущий» («Пир» IV, 4), будет управлять народами, руководствуясь «наставлениями философии» («Монархия» III, 16 [15]). Он поведет человеческий род к земному блаженству, а духовный глава, римский первосвященник, озабоченный только спасением душ, — к блаженству небесному. Данте особенно настаивал на том, что императорская власть есть достояние именно римского народа, призванного к всемирному

владычеству, и что она, исходя непосредственно от Бога, независима от церкви и от ее первосвященника. Он решительно отвергал притязания римских пап на светское господство. Эта мечта о гармоническом мироустройстве, о разумном сочетании двух властей, мирской и духовной, эта простая схема, похожая на математическую формулу, не только прельщала рассудок поэта, всегда стремившийся к отвлеченным построениям, но мощно овладела его страстным сердцем.

И вот разнеслась весть, сулившая поэту исполнение несбыточной, казалось бы, надежды. Вновь избранный император и «король римлян», Генрих VII Люксембургский, коронованный в Ахене 6 января 1309 года, объявил о своем намерении вступить в Италию для осуществления своих державных прав и для примирения враждующих. Двунадцатый Климент V возвестил энцикликой из Авиньона приход «царя-миротворца». Данте был счастлив: явился долгожданный избавитель, в истерзанной Италии утихнут распри, водворится согласие, Флоренция раскроет ворота своим изгнанникам. Для него Генрих VII не был чужеземцем-покорителем: это был римский Кесарь, который, выполняя предначертания Небесного промысла, утвердит свой престол в вечном городе, чтобы мудро и справедливо руководить человечеством. Поэт обратился с патетическим письмом к правителям и народам Италии, призывая «прекрасную невесту» встретить «грядущего жениха». Осенью 1310 года Генрих перевалил через Альпы и 6 января 1311 года короновался в Милане как король Италии. Данте поспешил навстречу императору и был им принят. Но миланское торжество немецкого государя, приветствуемого гибеллиниами и Белыми изгнанниками, было призрачным. Ломбардские города, не забывшие своего отпора Барбароссе, подняли восстание. Непокорную Брешью пришлось брать осадой. Флоренция, во главе гвельфской лиги, стала центром сопротивления императору и объединилась с Робертом Анжуйским, новым неаполитанским королем. Когда Генрих, находясь еще в Германии, потребовал от Флорен-